

На правах рукописи

ГУРЕЕВ Максим Вячеславович

**МОРАЛЬНЫЕ КОДЕКСЫ ПРАВЯЩИХ ЭЛИТ
КАК ИСТОЧНИК СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ**
(на примере сравнительного анализа становления
японского и европейского социумов)

Специальность 24 00 01 – теория и история культуры
(философские науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Великий Новгород – 2007

Работа выполнена на кафедре теории и истории культуры государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»

Научный руководитель:

доктор политических наук, профессор
Завершинский Константин Фёдорович

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор
Петров Михаил Николаевич,

кандидат философских наук, доцент
Новицкая Людмила Фёдоровна.

Ведущая организация:

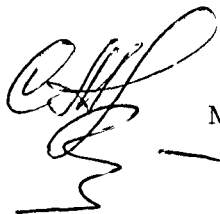
Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им профессора М.А.Бонч-Бруевича

Защита состоится 25 мая 2007 г в 12 часов на заседании диссертационного совета Д 212 168 06 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Новгородском государственном университете имени Ярослава Мудрого по адресу 173014, Великий Новгород, Антоново, Гуманитарный институт, ауд 313

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Гуманитарного института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.

Автореферат разослан ____ 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук,
доцент

Маленко Сергей Анатольевич

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Актуальность исследования феномена моральной кодификации правящих элит определяется потребностью в изучении роли этих групп в социокультурном конструировании реальности и необходимостью разработки ценностно-нормативных критериев эффективности их деятельности. Данная научно-теоретическая и социальная потребность продиктована кризисными явлениями в активности социально-политических элит современной России и изучением культурно-исторических предпосылок их преодоления на примере сравнительного анализа процесса становления моральной кодификации в Японии и Европе. В контексте специфики зарождения и оформления данного феномена указанные культуры продемонстрировали высокую динамику и восприимчивость к социокультурным инновациям.

Проникновение в особенности функционирования механизмов морально-символического кодирования на примере двух инновационных по своей сущности социумов *Востока* и *Запада* позволяет более всесторонне исследовать модернизационный потенциал российских политических элит. Это обуславливается, прежде всего, географическим местоположением Российской Федерации, которая находится на стыке социального пространства Европы и Азии, и, в силу этого, тесно взаимодействует и с тем, и с другим культурным ареалом. В качестве актуальных примеров используются формы моральной кодификации, характерные для перехода от традиционных к современным способам организации общества в Японии и Европе, что обеспечивает более адекватное понимание феномена моральной кодификации как важнейшего компонента процесса культурной преемственности. Важна разносторонняя, многомерная оценка деятельности правящих элит этих социумов как перспектива для изучения отечественных актов культурной институционализации.

Прекратить нарастание конфликтности между элитными группами и очагами гражданского общества в современной России можно лишь на основе всестороннего анализа социокультурных особенностей подобной динамики. Ввиду того, что многие из характерных черт подобной напряженности определяются заимствованием и интерпретацией восточных и западных структурно-смысловых схем культуры и, в частности, специфики морального кодирования, то вполне логичным является исследование зарубежных аналогов для перспективного решения российских проблем современности. Анализ исследуемого феномена, осуществленный на примере Японии и Европы, предоставит в дальнейшем возможность непосредственного перехода к анализу и решению отечественных проблем соответствующего порядка.

Социальная и научная **актуальность** диссертационного исследования обусловлена

1) необходимостью эффективного преодоления социально-политических кризисов российского общества на основе выявления комплексных параметров

современной социальной практики в единстве ее субъективных и объективных аспектов,

2) остротой социальной потребности в разрешении межгрупповых противоречий современного российского социума на основе поиска взаимодополнительности политики и морали,

3) приоритетной значимостью преодоления морального кризиса российского общества на основе интегрированности социокультурного процесса,

4) необходимостью заполнения теоретических лакун на стыке таких наук, как теория и история культуры, политология, социология, политическая философия и этика,

5) потребностью более глубокого понимания специфики генезиса и становления культур *Востока* и *Запада* при вычленинии взаимосвязи общего и специфического в процессе глобализации, при выстраивании социокультурной стратегии международных контактов Российской Федерации,

6) необходимостью теоретического углубления и более широкого практического применения системно-целостной методологии в сфере социокультурного регулирования общественных процессов с целью достижения взаимопонимания и сотрудничества между странами и народами, для установления эффективных каналов межкультурной коммуникации;

7) недостаточной научно-исследовательской разработанностью процессов морального кодирования, осуществляемых правящими элитами, в контексте их воздействия на социокультурную динамику

Степень научной разработанности проблемы. Источниковую базу исследования составили аналитические работы зарубежных культурологов и социологов, сравнительно-исторические и фактографические работы отечественных и зарубежных историков, монографии современных отечественных политологов и авторитетных философов, а также литературно-исторические памятники японской культуры

В числе авторов, затрагивающих значимые теоретико-методологические вопросы изучения культурных и моральных аспектов социально-политической деятельности следует, прежде всего, отметить таких специалистов в области теоретической социологии и смежных дисциплин, как Я Ассман, Н Луман, М Фуко, Ш Н Эйзенштадт, Н Элиас. Категориальный аппарат данного диссертационного исследования отталкивается не только от ставшего уже классическим понятийного содержания описания социокультурной динамики П.А.Сорокина и А.Моля, но и от принципиальных посылок сторонников социального конструктивизма в интерпретации культурных процессов и активности социальных агентов, в частности П.Бергера и Т.Лукмана. Вместе с тем, исследования обозначенных выше авторов не выделяют проблематику моральной кодификации правящих элит в качестве специфического предмета изучения, несмотря на значимость символического содержания подобных кодов и кодексов для культурной политики в целом

Выявлением места и роли политических элит в социокультурной символизации и институционализации социального порядка занимались такие зарубежные философы, социологи и политологи, как П Бурдьё, М Вебер, Н Луман, К Маркс, Ч Р Миллс, Р Михельс, Г Моска, С Московичи, Х Ортега-и-Гассет, В Парето, Т Парсонс, К Поппер, М Хальбвакс, С Хантингтон Среди отечественных исследователей следует отметить работы таких авторов, как А Авторханов, П Е Астафьев, М Н Афанасьев, Г К Ашин, О В Гаман-Голутвина, А Ефимов, В Г Игнатов, П Карабущенко, Е П Малькова, М Нарта, Г Н Новиков, А В Оболенский, А П Огурцов, Е В Охотский, А В Понедельков, И Ю Романов, С Савушкин, А М Старостиин, М А Фролова

Раскрыть культурно-исторические формы моральной кодификации и выявить их влияние на процесс социальных инноваций, наряду с социологическими, позволяют исторические и антропологические исследования отечественных и зарубежных авторов Специфику и значение моральных кодексов правящих элит в контексте социокультурной динамики средневековой Европы можно проследить в работах историко-антропологического плана Ю Л Бессмертного, М Блока, А Я Гуревича, Ж Дюби, Ф Кардини, Н В Карначук, Ж Ле Гоффа, И Ю Николаевой, В Р Новоселова, К С Носова, М Оссовской, М Пастуро, Ж Ж Руа, А Селигмена, Ж Флори, Й Хейзинги Выявить специфику символических оснований активности политических элит можно на примере изучения мифологии социальных групп, обрядов, традиций и ритуалов, что было осуществлено Б Малиновским, Д Берроузом, А Каменецким

Особенности и характерные черты становления средневековой японской культуры и формирования моральных кодексов правящих элит Японии, в частности кодекса бусидо, изучались в рамках отечественного востоковедения А Л Гальпериним, С А Гвоздёмвым, А М Горбылевым, Л Д Гришелевой, А А Долиным, Ю Д Кузнецовым, И Д Ладановым, Г Б Навлицкой, Г В Поповым, В А Пронниковым, А Б Слеваковским, И М Сырицыным, А А Толстогузовым, М В Успенским, такими европейскими и американскими японоведами, как Р Ф Бенедикт, П Варли, У Л Кинг, Т Клири, Дж Ф Ловрет, В М Мендрих, А и Н Моррис, С Тернбул, У С Уилсон, Дж У Холл, а также японскими исследователями кодекса бусидо в XX веке – такими, как Ю Мисима, К Оэ, М Ояма, М.Саотомэ, Н Суинно, Д Тосака, С Хироакэ, С Эндо

Отражение морального кодекса бусидо не только в средневековых, но и в современных социокультурных практиках Японии рассматривалось в исследованиях С А Арутюнова, Ю Бандуры, Р Ш Джарылгасиновой, В И Дунаева, И А Латышева, И Б Линдера, Г Нормана, В В Овчинникова, К Г Преображенского, В П Фомина, В Я Цветова, Х Т Эйдуca Исследованию религиозно-философских идейных источников бусидо, являющихся неотъемлемым компонентом изучения данного феномена моральной кодификации, посвящены работы таких отечественных авторов, как В Горегляд, А Н Игнатович, Г С Померанц, В Шохин

Важным источниковедческим ресурсом для изучения данного морального кодекса являются японские военно-исторические эпопеи, труды М Мусаси, Т и Я Сохо, Д Ю Шигесуке и иных исторических личностей, повлиявших на культурную политику Японии. Социальное содержание средневековых самурайских ритуалов как способов поддержания форм социальной корпоративности и солидарности раскрывается в работах С А Гвоздѣва, М Саотомэ, А Б Спеваковского. Однако, сравнительный анализ морального кодирования японского и европейского обществ в научных исследованиях вышеперечисленных авторов осуществлялся фрагментарно, на уровне сопоставления частных аспектов бытования рыцарей и самураев.

Осуществленный в ходе исследования анализ источниковедческой базы позволяет заключить, что проблема моральной кодификации активности политических элит нуждается в междисциплинарном подходе и спецификации ее в качестве особого предмета социокультурных исследований, так как существующие работы нередко порождают малопродуктивный конфликт теоретических интерпретаций в силу узкой профессионализации научных дискурсов.

Объектом исследования диссертации выступают моральные кодексы правящих элит как источник социокультурной динамики на примере их культурно-исторического становления в японском и европейском социумах.

Предметом исследования являются смысловые структуры моральных кодексов правящих элит и культурно-историческая специфика их становления на основе сравнительного анализа социокультурной динамики японского и европейского социумов.

Цель и задачи исследования. Цель исследования заключается в раскрытии содержания процесса моральной кодификации социальной активности правящих элит и его значения для стимулирования инновационной направленности социокультурного процесса.

Реализация общей цели предполагает постановку и решение следующих задач:

- выявить место и роль политической элиты в социокультурной символизации и институционализации социального порядка,
- изучить культурные ресурсы политических элит и особенности их использования в практике символического кодирования,
- постичь культурно-исторические формы моральной кодификации и выявить их влияние на социокультурную динамику, на процесс социальных инноваций,
- раскрыть специфику оформления моральных кодексов правящих элит на примере их становления в культуре Японии,
- обосновать теоретическую посылку, что культурное содержание самурайских ритуалов стало источником кодификации форм социальной корпоративности и солидарности,

- выявить специфику и значение моральных кодексов правящих элит эпохи европейского средневековья для становления цивилизации Нового времени,

- осуществить сравнительный анализ морального кодирования в процессах становления японского и европейского обществ

Хронологические рамки исследования охватывают средние века и истоки Нового времени. В данный исторический период у правящих групп Японии и Европы появляются моральные кодексы, представляющие собой символические образцы функционирования социально-политических структур, заложившие культурные предпосылки перехода к современному обществу. Такой хронологический срез дает возможность исследовать становление символической кодификации поведения как культурного ресурса, необходимого для понимания и прогнозирования потенциала инновационности в деятельности властвующих субъектов.

Методологические и теоретические основы исследования. В контексте теоретических посылок исследования наиболее целесообразным стало использование методологии сравнительно-исторического анализа, позволяющего провести и обосновать аналогии между элементами японского и европейского социумов, частного в отношении первого метода культурно-исторического анализа, дающего возможность более детального рассмотрения данного феномена непосредственно в рамках сопоставления двух культур, структурно-функционального подхода, рассматривающего содержание моральной кодификации как с функциональной стороны, так и в контексте раскрытия структурного устройства данного феномена, аксиологического подхода, предоставляющего возможность ценностного измерения исследуемых социокультурных феноменов.

Немаловажное место в данном исследовании занимает конструктивистский подход, который рассматривает моральный кодекс как рационалистически обоснованный тип, каркас, композиционную организацию, в которой доминирующее значение играет функция, а не его художественно-эстетическая значимость. В том числе, данное диссертационное исследование нацелено на сочетание теоретических моделей (П. Бурдьё, Н. Лумана, Ш. Эйзенштадта и других авторов) и описания специфических культурных практик.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем впервые предпринята попытка проанализировать в рамках культурологического подхода, на междисциплинарной основе взаимосвязь активности правящих элит и социокультурной динамики в контексте процесса моральной кодификации социального взаимодействия как фактора, от которого зависит модернизационный потенциал общества.

Значение моральных кодексов правящих элит в контексте социокультурной динамики подтверждается взглядами отечественных и зарубежных аналитиков на деятельность политических элит в связи с моральнотворческой проблематикой. Подробный анализ показывает, что

моральные кодексы представляют собой сложные структуры морально-символических кодов, воплощающиеся правящими элитами в культурно-исторических формах в зависимости от конкретных условий, присущих изучаемой социокультурной среде, и влияющие на динамику последней

Сопоставительный анализ моральных оснований деятельности правящих элит Японии и Европы выявил содержательную связь между их развитием. Основанием для согласования вариативного содержания морального кодирования данных культур *Востока* и *Запада* выступают общие целеполагающие моменты, фиксирующие аналогии между корреляциями политических элит обеих культур и воинскими сословиями обоих социумов. Целостная концепция морально-символического кодирования должна учитывать общее и особенное в изученных структурах взаимодействия правящих групп и масс.

Вместе с тем, проведенное исследование хотя и не исчерпывает данную проблематику, тем не менее, вносит в изучение социокультурной динамики и деятельности правящих элит новые теоретико-методологические акценты. Изучение данной тематики осуществлено в самых важных пунктах – как перспектива же для дальнейших исследований стоит задача детализации и более глубокого сравнительного анализа, причём на примере широкого спектра мировых культур. В данном же случае были взяты лишь два самых характерных образца, дающих выразительное описание схем морального кодирования, которые частично легли в процессе своего развития и на социокультурную ситуацию в России, посему данное исследование вносит ощутимый вклад в развитие отечественных политических практик.

Основные концептуальные положения, отражающие повзгзу исследования и вынесенные на защиту

1 Политические элиты, располагая символическими, культурными ресурсами выступают важнейшим звеном социокультурной динамики и, в частности, процесса моральной кодификации социального взаимодействия.

2 Моральная кодификация социального взаимодействия внутри правящих групп определяет специфику общей направленности культурной политики в социуме.

3 Формы и структура моральной кодификации политических элит определяются особенностями корреляции активности этих субъектов и остальных агентов социального взаимодействия.

4 Становление морального кодекса правящих элит японского социума стало не только эффективным культурным ресурсом социально-политического управления средневекового японского социума, но также источником инновационности в его социокультурной динамике.

5 Семантические интерпретации «Пути воина» в процессе их культурно-исторической эволюции вошли в символические коды современной японской культуры.

6 Становление моральных кодексов правящих элит в культурном пространстве Европы, несмотря на историческую специфику этого процесса,

позволяет выявить социологические аналогии между моральным кодированием европейского рыцарства и японского самурайства в аспекте их потенциала для выстраивания договорных практик социокультурного взаимодействия

7 Изучение особенностей становления моральной кодификации японского и европейского обществ позволяет выявить перспективные с точки зрения социокультурной эволюции корреляции между социально-политической активностью правящих элит и культурно-исторической преемственностью при реформировании социума

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования. Результаты исследования позволяют комплексно представить картину моральных кодификаций правящих элит в содержательно-тематическом, организационном и теоретико-методологическом плане, более глубоко осмыслить становление и развитие данного социокультурного феномена, условия, проблемы и тенденции, определяющие его нынешнее состояние. Полученные теоретические и сравнительно-исторические выводы осуществленной работы могут быть использованы для всесторонней философско-культурологической оценки деятельности политических элит в морально-символической области, более эффективного проведения и проектирования исследований деятельности этих субъектов Востока и Запада в России, а также могут быть основой для дальнейшей разработки данной темы в отечественной науке

Результаты диссертационного исследования могут иметь прикладное значение для социального проектирования культурной политики, в экспертной деятельности по проблемам прикладной этики. Положения и выводы исследования также могут использоваться для развития междисциплинарного научного сотрудничества политологов и социологов со специалистами по теории и истории культуры, а также с экспертами в области прикладной этики

Наряду с этим, положения диссертации имеют перспективу для применения в подготовке и преподавании общих и специальных курсов по теории и истории культуры, политологии, социологии, этики в российских и зарубежных университетах, а также в системе подготовки студентов, аспирантов, культурологической подготовке государственных и муниципальных служащих

Апробация результатов исследования. Результаты диссертационного исследования изложены в 7 публикациях соискателя общим объемом 2,1 п.л., в т.ч. в 1 научной статье в журнале, рекомендованном ВАК РФ для публикации материалов кандидатских и докторских диссертаций, а также в 6 научных сборниках и тезисах докладов на всероссийских и внутриуниверситетских конференциях

Основные положения диссертационного исследования, теоретические подходы и выводы работы были апробированы в докладах и сообщениях на XII-ой научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ (Великий Новгород, 2005), летней школе аспирантов «Гуманитарные

технологии и глобальное лидерство России в современном мире» (Москва, Национальный Институт «Высшая Школа Управления», 2005), Всероссийской научной конференции «Бренное и вечное политические и социокультурные сценарии современного мифа» (Великий Новгород, НовГУ, 2005), экспертном семинаре в рамках научно-исследовательского проекта «Символические проекции гражданского общества» (Великий Новгород, НовГУ, НовМИОН, 2005), I-ой научно-практической конференции молодых ученых Гуманитарного института НовГУ (Великий Новгород, 2006), XIII-ой научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ (Великий Новгород, 2006), научном семинаре «Реальность и действительность гражданского состояния» в рамках научно-исследовательского проекта «Символические проекции гражданского общества» (Великий Новгород, НовГУ, НовМИОН, 2006), молодежной научно-практической конференции «Региональные политические элиты и эффективность государственного управления в регионах» (Москва, НИ «ВШУ», 2006), Всероссийской научной конференции «Бренное и вечное символические парадигмы модернизации культурного пространства» (Великий Новгород, НовГУ, 2006), VIII-ой Всероссийской конференции молодых ученых «Науки о культуре – шаг в XXI век» (Москва, Российский Институт Культурологии, 2006), XIV-ой научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ (Великий Новгород, 2007)

Диссертация обсуждена на кафедре теории и истории культуры философского факультета Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого и рекомендована к защите

Структура диссертационной работы. Работа состоит из введения, двух глав, включающих 7 параграфов, заключения и библиографического списка

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, осуществляется оценка уровня ее научной разработанности. Исходя из этого, формулируются объект и предмет работы, задаются ее хронологические рамки, ставятся цель и задачи исследования, раскрываются методологические принципы изучения данной проблематики, определяется источниковая база диссертации, обосновывается научная новизна работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, раскрываются теоретическая и практическая значимость исследования, характеризуются апробация результатов работы и структура диссертации

В **первой главе диссертации «Место и роль политической элиты в культурном конструировании социальной реальности»** раскрывается содержание и развитие взглядов отечественных и зарубежных ученых-гуманитариев XX века на деятельность правящих элит применительно к процессам социального конструирования реальности и, в частности, к процессам моральной кодификации, выделяются определенные этапы в

эволюции этой деятельности, анализируются изменения в подходах, взглядах, оценках которые имели место в исследованиях данного периода.

В первом параграфе *«Место и роль политической элиты в культурном конструировании социальной реальности»* на основе анализа зарубежных и отечественных трактовок понятия политических элит предлагается авторская интерпретация сущности данных правящих групп, а также их специфических места и роли в процессе социального конструирования реальности. Раскрытие этого вопроса необходимо опирается на теоретические и социальные основания культурной активности правящих элит, данный аспект актуален и для раскрытия феномена моральной кодификации.

Изучение роли политических лидеров в социокультурных символизации и институционализации раскрывает принципы формирования и развития данных субъектов, а также их корреляцию с остальными представителями социума. Наиболее актуальными являются проблемы формирования, отбора, смены и вознаграждения элит. Следует отметить, что политическая элита тесно связано с элитой культурной первая часто представляется как социокультурная группа профессионалов, обладающих высоким уровнем культуры, компетентности, занятых разработкой и развитием знаний, технологий, образного языка, политических и религиозных доктрин и т.п.

Политическая элита как слой или группа лиц, обладающих специфическими личностными особенностями и профессиональными качествами, делающими их «избранными» в своей сфере деятельности, подчас берёт на себя функции интеграции и контроля в социуме. Любая сфера общественной жизни (будь то наука, производство, спорт или нечто иное) зависит от решений, принятых непосредственно данными субъектами. Все социальные движения и партии также подразумевают необходимое наличие правящей элиты, элита военных, элита ученых, элита спортсменов и другие виды элиты тесно взаимосвязаны между собой, однако интегрирующим и руководящим звеном в этой структуре является именно элита политическая, вырабатывающая необходимые нормативно-ценностные, в том числе моральные основания развития социума.

Таким образом, этой группе принадлежит ключевая роль в поддержании и развитии культуры и общества, политические элиты обладают определенным культурным инструментарием и, в частности, способны влиять на моральное кодирование.

Во втором параграфе *«Моральная кодификация деятельности правящих элит как специфический способ конструирования социокультурной реальности»* ставится и реализуется задача связать в эффективном междисциплинарном ансамбле социально-политические исследования, затрагивающие деятельность правящих элит, и этику, изучающую все проявления морали. Рассмотрена связь политических лидеров и моральной кодификации в обществе, роль и влияние элит в этом процессе, данный вопрос неоднократно затрагивался во многих научных источниках и

литературно-исторических произведениях, однако он носил не столько концептуальный, сколько описательный характер, и если поднимался, то лишь косвенно и фрагментарно

На основе исследований социокультурной тематики дается интерпретация понятий «морали» и «нравственности», раскрываются их общие и специфические черты. Проводится обзор широкого спектра современных трактовок терминов «кодекс» и «моральный кодекс», отмечаются характерные сходства и различия их смыслового наполнения, резюмируются и берутся для дальнейшего процесса исследования наиболее адекватные и аргументированные из них, осуществляется интерпретация понятия «моральная кодификация»

Анализ основных теоретических работ ведущих социологов XX века, связанных с проблематикой символического конструирования социальной реальности, в частности исследований Н. Лумана и Ш. Эйзенштадта, приводит к выводу об установлении корреляции между социокультурными процессами и моральной кодификацией как одним из их компонентов. Обоснование правомерности использования термина «кодифицированная мораль», предложенного А. П. Огурцовым, дает возможность говорить о перспективном симбиозе морально-аксиологического и политологического дискурсов, а также их трансформации в дискурс этико-политологический

Теоретические модели моральной кодификации правящих элит раскрываются на примере их непосредственных иллюстраций в социальных практиках различных культур. В связи с этим рассматриваются модель Кодекса этики правительственной службы США, подробно разобранный А. В. Оболенским, а также сопутствующие ей структуры и взаимосвязи.

Моральное кодирование является одним из культурных инструментов политических элит, наравне с мифом или обрядом, и вполне может сочетаться с последними в социальных практиках. Исходя из этого, дается трактовка мифа как эффективного инструмента для управления массами, создающегося на реальной почве и преобразующегося в нереальные, изощренные формы. Данную особенность мифа нередко используют правящие элиты в процессе морального кодирования, кодексы могут воспринимать некоторые элементы мифа и образовывать своеобразные моральные мифологии для конкретных социальных групп. Потенциальные угрозы подобных социальных практик иллюстрируются примером религиозной мифологии шахидов.

Следует подчеркнуть особое значение моральных установок для человека, занимающегося политикой, поскольку они формируют и немало влияют на имидж представителя правящей элиты, а также являются определенным образцом поведения для подведомственных ему социальных групп. Значимость такого коммуникативного облика политика весьма актуальна в контексте возникновения современных ядерных кризисов и подтверждается символической и практической выгодой от соответствия его социокультурной практики предустановленным правилам.

На основании раскрытия данных фактов делается вывод об актуальности восстановления практики моральной кодификации в современном социуме, которая окажется полезной для государства, отдельного гражданина и для развития гражданского общества в России. Если не будет морально полноценного населения, то не станет и правящих групп, с другой стороны, если моральной деструкции будут подвергаться политические лидеры, то они и в дальнейшем будут приводить остальных граждан к социальной дестабилизации.

Моральная кодификация деятельности правящих элит выступает специфическим способом конструирования социокультурной реальности, который опирается на множество внутригрупповых и более широких коммуникативных факторов, предстаёт в многообразии форм своего выражения, а также имеет непосредственное и большое значение в жизни всего общества.

В третьем параграфе *«Символические структуры и культурно-исторические формы моральной кодификации»* раскрывается сложность и разветвлённость социокультурного феномена моральной кодификации, его структуры, опирающейся на переменные и константы символического порядка, выявляется его сущность как множество упорядоченных и взаимосвязанных элементов, выступающих в многообразных проявлениях и формах в процессе своего развития.

Помимо всего прочего, раскрытие специфики понятия «моральный кодекс» осуществимо в сопоставлении с кодексами юридическими, в рассмотрении возможных взаимосвязей между ними. В случаях, где постулаты абстрактной морали теряют свою эффективность, в силу вступает право — нормы, юридически оформленные и закреплённые в конкретных актах, если право больше относится к нормативным основаниям цивилизации, то мораль образует часть фундамента нормативных основ культуры.

Несмотря на то, что в разные эпохи у различных социумов формировались и существовали моральные кодексы, отличавшиеся своей вариативностью, последние, тем не менее, имели между собой и общие черты. Изучение наиболее известных и показательных примеров средневекового морального кодекса самурайской чести бусидо у японцев, западноевропейского морального кодекса рыцарского поведения, кодифицированных правил в среде российского дворянства, морального кодекса строителя коммунизма позволяет сделать вывод о том, что моральные кодексы формируются, воплощаются в жизнь и поддерживаются элитами общества, это диктуется необходимостью государственного, культурного или общесоциального значения.

В качестве общего знаменателя в указанных примерах символического кодирования выступает воля власть имущих упорядочить функционирование определенных социальных слоев и навязать им свой контроль. При этом следует подчеркнуть релятивность этих манипуляций массовым сознанием: данное явление может носить не только отрицательный, но и положительный

эффект для социума. В периоды внутренних раздоров, социальной нестабильности в той или иной культурной среде именно кодификация, опирающаяся на определенные целесообразные стандарты, выводила общество из состояния хаоса, беспорядочности и подавленности, периоды моральной распушенности необходимо сменялись периодами консервации, и – наоборот.

Предпосылками для кодификации всей совокупности действующих норм служили реалии того или иного социума, различные специфические причины (мародёрство, увлечение дзюдами, обнищание духовных, и в частности морального, оснований общества и т.д.). В связи с этим раскрываются символично-нормативные аспекты в структуре культурной политики правящих элит. Воздействие существующих вариантов и комбинаций ценностно-смысловых и социальных кодов, то есть упорядоченных и постоянных наборов культурных элементов, на общество определяется характером и степенью их институционализации. Последняя обуславливает их селекцию и внедрение в систему общественной регуляции, моральное кодирование является необходимой основой для моральной кодификации так же, как моральные коды – основой для моральных кодексов.

Символические аспекты социальной динамики раскрываются на основе сравнительного анализа культур, осуществленного Ш. Эйзенштадтом. Подчеркивается специфика их развития, связанная с той или иной цивилизационной системой, выявляются условия возникновения социокультурных инноваций и последствия динамики, ими осуществленной. Другая, не менее важная для понимания изучаемого феномена, теоретическая модель принадлежит Н. Луману, проанализировавшему смысл и символическую структуру культурных кодов. Особенное значение для социокультурных практик имеет код «власть», практические поступки, применяя код, заботятся о том, чтобы результаты были распределены по значениям моральности и аморальности. При этом мораль правящих элит является самонаблюдающей системой.

Концепция П. Бурдьё раскрывает тот факт, что обыденное поведение людей необходимо нуждается в формализации ввиду рисков институционального произвола, чем опаснее ситуация, тем настойчивее ее пытаются кодифицировать. В качестве основной мысли фиксируется, что моральная символизация является неизменным реквиизитом формирования власти. Таким образом, изменение социальных условий ведет к необходимости моральной кодификации, а формирование и закрепление моральных кодексов, в свою очередь, обеспечивает социокультурную динамику среды, то есть изменение или модификацию черт культуры и общества во времени и в пространстве.

Мораль эффективна не сама по себе, а исходя из конкретной конъюнктуры, ее обыденные, житейские нормы варьируются в зависимости от принадлежности группы людей к той или иной культуре или социальной страте. Исходя из этого, политические элиты осознали необходимость

упорядочения и систематизации разрозненных моральных элементов в кодексы, призванные быть общими для всех, что обеспечивало бы лучший контроль над массами. При этом следует иметь в виду то, что, с другой стороны, нормы морали спонтанно формировались в повседневных практиках бытия обычных людей и влияли на политические практики элит.

Моральная кодификация является операцией приведения в символический порядок или поддержки его, которая наиболее часто возлагается на высшие государственные бюрократии. Культурно-исторические традиции морального кодирования дошли до нас в различных источниках («Хагакурэ» Я Цунэтомо, европейские рыцарские саги и эпосы, «Моральный кодекс строителя коммунизма» и другие), в них выражены эталоны поведения для той или иной социальной общности. Некоторые аналогии моральных стереотипов можно проследить в различных культурах мира, однако, налицо также их уникальность применительно к конкретному контексту употребления.

Несмотря на то, что правила, навязываемые индивиду политическими элитами извне, не являются физическими законами, по своей жесткости и всеобщности они способны повторять законы и силы природы. Опыт моральных кодификаций прошлого представляется продуктивным использовать и для формирования гражданского общества, при этом перспективой для реализации социальных задач является апеллирование не к манипуляции, а к актуализации массового сознания для наиболее эффективного развития общественных структур и отношений.

Во второй главе «Моральная кодификация деятельности правящих элит в культурно-исторической динамике японского и европейского социумов» раскрываются конкретные исторические воплощения культурной политики правящих элит, морального кодифицирования.

Культурно-историческая разработка вопросов, связанных с символической деятельностью политических лидеров, обосновывается различными социокультурными особенностями. Наиболее адекватными образцами для раскрытия механизмов моральной кодификации представляются японский и европейский социумы, этому способствуют геополитическая соотнесенность и корреляция этих стран с Россией, взаимосвязь данных традиций, концептуальная выраженность кодексов по сравнению с их размытостью и фрагментарностью в других мировых культурах. Хронологические рамки исследования – средние века, начало Нового времени – мотивируются становлением и четким оформлением моральных кодексов правящих элит именно на этом историческом отрезке времени, эти рамки предоставляют полноценные символические структуры, в отличие от смутно проявлявшихся ранее моральных норм, служивших почвой и преддверием структурированного культурного инструментария средневековья.

В первом параграфе «Культурно-исторические особенности генезиса и оформления моральной кодификации в японском обществе» выявляются культурно-исторические особенности становления моральной кодификации в японском обществе с целью понимания глубинных основ данной традиции.

Уникальное значение для изучения и понимания роли данной культуры в процессах символического кодирования имеет моральный кодекс бусидо

Большую роль для адекватной интерпретации изучаемого феномена играет национальная психология японцев, которая сформировалась под воздействием многовековых баталий, длительных военных и полувоенных диктатур, перманентной готовности дать отпор внутреннему и внешнему врагу. Эта своеобразная ментальность нашла свое отражение в культурных традициях современной Японии, решающее влияние на формирование своеобразной культуры и японцев как нации оказали самураи – представители привилегированной аристократической военной касты феодальной эпохи. Необходимость моральной кодификации для класса воинов, видится в том, что эта социальная общность нуждалась в общей идейной базе, в едином мышлении, в которых было непосредственно заинтересовано и руководство страны того времени.

С помощью мощнейшего идеологического прессинга сегуны утверждали легитимность своей власти и добивались безоговорочного подчинения, а исторические, геополитические и прочие форс-мажорные обстоятельства обуславливали тотальную милитаризацию японского общества. При этом следует отметить специфическую сущность «Пути воина» как учения о рыцарском поведении, это, с одной стороны, моральный кодекс самураев, а с другой – изначальный дух японской нации, превратившийся со временем в традицию.

Необходимо подчеркнуть, что люди могли подвергаться манипуляциям и следовали определенным кодексам поведения не только слепо, но и осознанно, поскольку это было продиктовано социокультурной необходимостью, периоды смут и социальной нестабильности диктовали насущную потребность упорядочения правил и норм. Социально-политическими и культурными предпосылками для формирования морального кодекса послужили также затянувшееся мирное время после объединения страны под руководством клана Токугава, необходимость в связи с этим поддерживать боевую подготовку и направлять энергию самурайского сословия в более культурное русло, потребность сохранения ритуалов, правил и норм поведения для последующих поколений воинов.

Содержание и социальный смысл основных принципов бусидо нашли свое отражение в таких источниках, как «Хагакурэ» Я Цунэтomo, «Бусидо сесинсю» Д. Ю. Шигесуке, «Книга пяти колец» М. Мусаси, в произведениях Я. Соко и других авторитетных самураев и мастеров боевых искусств, а также в военно-исторических эпопеях («Повесть о доме Тайра», «Сказание о Есицунэ», «Повесть о военных домах» и других). При этом следует отметить, что еще задолго до того, как данный свод правил стал кодексом самураев, его основные установки бытовали в японском народе. Подробный анализ и сопоставление данных источников между собой позволяют выявить динамику и неоднозначность развития моральных норм воинского кодекса, насаждавшегося правящими элитами в японском социуме.

Незаменимую роль в формировании бусидо сыграла его идеологическая база, в связи с чем осуществляется анализ конфуцианства, дзэн-буддизма и синтоизма как ведущих структурных образований в процессе оформления и развития морального кодекса. Каждая из упомянутых религиозно-символических доктрин привносила свои нормы и принципы в данный свод феодальных добродетелей, что позволяет говорить о «Пути воина» как о сложном и многомерном явлении, которое оказало влияние на весь стиль жизни воинского сословия в контексте социальных практик.

Во втором параграфе *«Сословный корпоративизм самураев как культурно-историческое основание социальной солидарности японского общества»* обосновывается положение о том, что, несмотря на изначальный узко специализированный, сословный характер морального кодирования в Японии и его концентрацию лишь в рамках самурайских традиций, данные исходные посылки и смыслообразующие корни послужили впоследствии не только основой корпоративизации воинов, но и солидарности всего японского общества. Показательно, что инициатива правящих элит в рамках данного процесса послужила толчком к важным социальным изменениям и динамике развития культуры.

Первые кодифицированные записи, повлиявшие на формирование социальной солидарности японцев, были сделаны именно в мирный период жестких общественных структур, навязанных режимом Токугава. Ритуалы японских воинов (сэппуку, чайная церемония и другие) следует анализировать как способ сохранения культурной идентичности и средство воспроизведения морального опыта. В контексте развития внутригрупповых отношений правящих элит Японии важно подчеркнуть особенное значение морального кодекса и его видоизменяющегося характера для взаимодействия сегуната с владетельными князьями, в том числе роль бусидо как специфического дипломатического способа борьбы с конкурентами.

Следует отметить, что, несмотря на изначальный замысел концепции «Пути воина» как средства, необходимого для установления контроля над рядовыми самураями, многим нормам, ритуалам и элементам этикета следовали также и те, кто насаждал их в японском обществе, личный пример был необходим. Исключительность средневековой эпохи для понимания бусидо объясняется тем, что в последующие периоды данный моральный кодекс трансформировался в традицию, являющуюся всего лишь неотъемлемым компонентом постижения боевых искусств, использование же его сущности как средства манипуляции осуществлялось уже далеко не в таких грандиозных, государственных масштабах, как ранее. Важным подтверждением этому служит то, что, несмотря на некоторые удачные попытки возрождения идеологии самурайства для нужд государства и армии в XX веке, они рано или поздно терпели крах и не смогли утвердиться настолько тотально, как в средние века.

Исследование природы и становления морального кодекса бусидо раскрывает факты его нарушения и злоупотребления им в реальных ситуациях социальных практик над высокими идеалами верности и благородства нередко

брали верх более фундаментальные инстинкты, история изобилует интригами, предательствами и жестокостью в контексте изучения культуры японских воинов. Воинское искусство, создававшееся для защиты, искажалось многими военными лидерами, которые, призывая буси сражаться во имя чести и чувства долга, на самом деле добивались лишь выгоды для себя. Все они были связаны порочным кругом усиления своей власти и расширения территорий, бегством из которого могло быть только бесчестие капитуляции или честь смерти, по тем не менее, механизм моральной кодификации, запущенный в ход начинающими стратегами и политиками, дал поразительные всходы с годами. Важно отметить, что, помимо выгоды для феодальных владетелей, следование моральным нормам внутренне преображало человека, поэтому не стоит относиться к данной манипуляции сознанием как к явлению сугубо негативному, были и позитивные стороны в практике его употребления.

Можно наблюдать трансформацию изначальной смысловой ориентации морального кодекса в качественно иное явление: от управления одним сословием в государственных интересах элита перешла к манипуляции всем населением страны посредством многообразных целевых установок. Правление военного сословия в течение многих столетий оставило заметный след во многих сферах жизни Японии, его мироощущение не исчезло без последствий, опосредованно присутствуя в символических практиках современного общества. Несмотря на злоупотребления кодексом бусидо, раскрывается столь важный факт, что именно данные моральные установки: верности, патриотизма, мужества и других самурайских доблестей, переживавших из средневековья, позволили японской нации солидаризироваться и реабилитироваться в сжатые хронологические сроки после сокрушительного поражения во второй мировой войне.

Важно отметить, что дуализм восприятия морального кодекса не исчез и во второй половине XX века, одни авторитетные представители японской культуры пытались поднять его установки на цитаты милитаристской идеологии, другие, наоборот, расценивали бусидо в контексте современных социокультурных процессов исключительно как средство самовоспитания и построения общества мира. В связи с этим важен анализ биографий известного японского писателя Ю Мисимы и основателя боевого искусства айкидо М. Уэсэби как представителей противоположных морально-идеологических концепций.

Таким образом, моральный кодекс бусидо – это сложное, многоплановое явление, которое невозможно оценить однозначно, его историческое влияние на социокультурную динамику в Японии является колоссальным, недоразумения же и неадекватные интерпретации данного феномена диктуются относительностью понимания и воплощения норм «Пути воина» в повседневных практиках.

В третьем параграфе *«Культурно-историческая специфика генезиса моральных кодексов правящих элит в Западной Европе»*, согласно логике исследования, раскрываются традиции морального кодирования на Западе как необходимые предпосылки дальнейшего сравнительного анализа данного

феномена в контексте японского и европейского социумов Генезис и развитие западноевропейской культуры связаны с иными ментальными и религиозно-идеологическими особенностями, чем в Японии, что дает дополнительный импульс к изучению морального кодирования в их контексте

Основные ментальные особенности средневековых людей в Европе отражались в таких чертах характера и поведения, как чувство неуверенности в материальной обеспеченности и духовная неуверенность, вытекающие из этого потребность в самоуспокоении, опора на авторитетов теологии прошлого. Согласно таким популярным источникам, как Писание, глоссы, «сентенции», «exempla», новшество считалось грехом, и церковь осуждала инновации. Эта консервативная направленность касалась технического и интеллектуального прогресса, изобретать что-либо считалось безнравственным. Тем не менее, почтенный «аргумент традиции», сила которого признавалась очевидной, когда говорили о согласии явившихся из глубин веков свидетелей, чтобы давать единогласные показания, часто становился предметом спора.

Церковные авторитеты пользовались определенным механизмом контроля над духовной жизнью, средневековая мораль транслировалась при помощи стереотипных историй, неустанно повторявшихся проповедниками. Эти сборники «примеров» составляли однообразный ряд средневековой правоучительной литературы, при этом следует отметить, что в данную эпоху в Западной Европе взаимодействие церковной и светской властей было более тесным, чем в поздние периоды. Моральная кодификация осуществлялась на стыке служения духовной и политической властям, балансировала в своих требованиях между христианскими заповедями и сословно-государственными интересами.

Одним из необходимых компонентов раскрытия сущности и значения моральной кодификации политических лидеров является рыцарская культура. Следы пропаганды заповедей и установлений рыцарства обнаруживаются в таких источниках, как «Неистовый Роланд» Л. Ариосто, «Парцифаль» В. фон Эшенбаха, «Эрек и Энида» К. де Труа, в старофранцузском героическом эпосе «Песнь о Роланде» и других. Понимание структуры феодальных добродетелей и социокультурной динамики европейского средневековья необходимо связано с постижением вассально-сеньориальных отношений, которые отражались в господствующей в то время морали, фиксировавшей взаимные права и обязанности элит и рядовых рыцарей.

Ментальная модель охватывала одновременно видение мира, свойственное воинам, и вместе с тем предполагала упрощенный дуализм, оппозицию двух противоположностей, вся духовная жизнь людей Средневековья концентрировалась вокруг противостояния добра и зла, добродетелей и пороков, души и тела. В контексте отторжения инноваций и нерешительности традиционалистских кругов сказывалось также сопротивление низших слоев тому, что верхушка присваивала себе новые технические средства, которые часто усиливали сеньориальную эксплуатацию.

Необходимо подчеркнуть, что культурные основы рыцарского сословия, его целевые моральные установки развивались и претерпевали трансформации.

на протяжении от раннего до позднего средневековья, видоизменялись аксиологическое наполнение, смысл и взаимосвязь основных обрядов, ритуалов, моделей поведения воинов, являвшихся необходимым человеческим капиталом на службе у правящих элит

Говоря о комплексе идеалов, связанных с функциональным предназначением рыцарей как людей военного сословия, и подчеркивая генетическое родство этих идеалов со многими ценностями варварского мира, важно отметить, что первые отличало новое религиозное наполнение. Средневековая эпоха свидетельствует, насколько упорядочился, оцивилизовался европейский мир, сумевший укротить яростную воинственность бывшего варвара, ограничить ее, подчинив новым моральным ценностям, благодаря христианству в центре внимания оказывается духовное борение, претворение в жизнь определенных добродетелей

При этом церковь, не принимавшая насилия и человекоубийства, была вынуждена считаться с природой той среды, в которую она пришла. Политическая атмосфера, в которой ей приходилось действовать, – непрерывные войны, нашествия, раздоры – нуждалась в переосмыслении, и многое в этом смысле сделали патристики, сформулировав понятия праведной и неправедной войны. Война считалась оправданной, если она была направлена на восстановление мира и обеспечение безопасности, главное предназначение рыцаря-христианина заключалось в реабилитации попорченной справедливости, в торжестве заповедей Христа

Индивидуалистическое наполнение вкупе с теми смыслами, которые были переданы средневековому Западу античной и христианской культурными традициями со свойственными им персонализмом и гуманизмом, зададут рыцарской среде особое интонирование тем человека. При этом важно подчеркнуть, что при всей своей избыточности, или романтизации, рыцарские идеалы и ценности во многом будут направлять духовные поиски европейцев последующих эпох. Рыцарская среда внесёт свой вклад в то культурное поле, которое ляжет в основу европейского гуманизма, пронизанного ценностью и значимостью человеческого «Я» во всех проявлениях его диалога с окружающим миром

Таким образом, социокультурные предпосылки возникновения и развития моральных кодексов в Западной Европе были несколько иными, чем в Японии, хотя многие аспекты социальных практик дают возможность проведения аналогий между этими двумя традициями деятельности правящих элит. Моральные кодификации, непосредственно связанные с рыцарскими установками и принципами, имели исторически подвижный характер и являлись неотъемлемым компонентом общей социокультурной обстановки

В четвертом параграфе «Общее и особенное в моральной кодификации деятельности правящих элит японского и европейского социумов» осуществлена попытка сравнительного анализа между процессами моральной кодификации в Японии и Западной Европе. Поскольку каждая из этих культур зародилась и развивалась в своем специфическом контекстно-смысловом поле, в особых условиях среды обитания, то следует отвергнуть прямую постановку

знака равенства между событиями и смыслами сопоставляемых феноменов. Фиксируя наличие аналогий, необходимо разграничивать сопоставления по форме и сравнения по содержанию, а также учитывать конъюнктуру их применения.

В контексте рассмотрения морального кодирования японского и европейского социумов следует отметить специфику превращения воинского сословия в элитарную прослойку общества в Японии и Западной Европе, социальные функции воинов, их место и роль в межгрупповой системе взаимодействия, специфические взаимоотношения с правящими элитами, специфику развития феодальной хозяйственной системы, а также конъюнктуру становления морально-религиозных систем в обеих культурах. Расхождение в дальневосточной и западноевропейской символической трактовке воинских добродетелей можно отметить на примере таких сходных лишь по формальному признаку понятий, как «доблесть», «честь», «долг» и т.д., тем не менее, важно зафиксировать и сходные моменты в интерпретациях, которые и предопределили рождение аналогий.

Следует подчеркнуть, что различные условия существования и развития моральных кодексов в Японии и Европе приводили и к различным социокультурным следствиям. Например, бесстрашие перед лицом смерти и стремление дорого продать свою жизнь появилось на Западе уже на закате рыцарства, когда отдельные элементы морали этого сословия трансформировались в кодекс поведения дворянства; презрение же к смерти в среде японских воинов фиксировалось изначально, и самурайское сословие трансформировалось в ходе исторического процесса иначе и в иные ипостаси. Самурайская социокультурная общность, ввиду ее универсальной подготовки, с равным успехом могла поставлять обществу в условиях мира как замечательных учителей и писателей, так и профессиональных мастеров боевых искусств.

Исходя из того, что одним из основных моментов для понимания социокультурных особенностей правящих элит и подопечных им масс является господствующая религиозная система, следует отметить различие в исходных смысловых посылах двух культур: если в Японии доминирующей религиозной системой был синтоизм, то в Европе не менее обширное влияние на менталитет нации оказывало христианство, оно брало на себя роль защиты от многих социальных потрясений.

В результате, проведение некоторых аналогий между моральными кодированиями европейского рыцарства и японского самурайства вполне правомерно, однако при этом не следует забывать о специфическом контекстно-смысловом поле существования каждого из этих феноменов. Помимо прочих социокультурных факторов, религиозно-философские системы накладывали свой специфический отпечаток на развитие данного процесса в Японии и Европе. Однако, несмотря на вариативность черт развития каждой культуры, имелись и сходные тенденции, которые вполне подтверждают общую теоретическую схему социокультурной динамики, связанной с моральным кодированием правящих групп.

В заключении диссертации подводятся итоги проведенного исследования, формулируются выводы, обобщающие основные положения проделанной работы, и намечаются перспективы дальнейшей разработки темы, высказываются рекомендации по практической реализации предложений, вытекающих из содержания диссертации

Значение морального кодирования в контексте социокультурной динамики подтверждается взглядами отечественных и зарубежных аналитиков на деятельность политических элит. Подробный анализ показывает, что моральные кодексы представляют собой сложные структуры символических кодов, воплощающиеся политическими элитами в культурно-исторических формах в зависимости от конкретных социальных, политических и иных условий, а также влияющие на социокультурную динамику.

Сопоставительный анализ моральных оснований деятельности правящих групп Японии и Европы выявил содержательную связь между их развитием, основанием для согласования вариативного содержания морального кодирования данных культур выступают общие целеполагающие моменты, фиксирующие аналогии между корреляциями политических элит обеих культур и воинскими сословиями обоих социумов. Целостная концепция морально-символического кодирования должна учитывать общее и особенное в изученных структурах взаимодействия правящих групп и масс.

Отмечается, что в ходе исследования удачно осуществлена попытка совместить данные культурологических, философских, политологических, социологических и исторических источников. Теоретические схемы хорошо объясняются конкретными историческими примерами, затрагиваемыми при изучении моральной кодификации правящих элит, при этом весьма полезным оказалось сочетать изучение переведенных на русский язык первоисточников с современными научными исследованиями.

Вместе с тем проведенная работа не является полностью исчерпывающей данную проблематику, хотя и вносит в изучение социокультурной динамики и деятельности правящих групп новый актуальный аспект. Изучение проблематики моральной кодификации политических элит осуществлено в наиболее важных пунктах, как перспектива же для дальнейших исследований стоит задача детализации и более глубокого сравнительного анализа, причем на примере широкого спектра мировых культур. В данном же случае были взяты лишь два самых характерных образца, дающих выразительное описание схем морального кодирования, которые частично лежали в процессе своего развития и на социокультурную ситуацию в России, посему данное исследование вносит ощутимый вклад в развитие отечественных политических практик.

Итак, в целом можно констатировать, что данное исследование достигает своих целей в главных пунктах и открывает перспективы перед дальнейшим междисциплинарным изучением моральной кодификации правящих элит.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНО В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ АВТОРА:

- 1 Моральный кодекс как инструмент манипуляции массами (социально-исторический пример Японии) // Вопросы культурологии, 2007, №3 – С 36-39 [0,5 п л]
2. Как сформировать новый молодежный стиль жизни, выражающий ценности свободы, справедливости и патриотизма // Гуманитарные технологии и глобальное лидерство России Сборник статей по итогам Летней школы аспирантов / под общей редакцией А Е Волохова – М НИ «ВШУ», 2005 – С 106-113 [0,4 п л]
- 3 Моральный кодекс правящих элит Японии в средние века // Тезисы докладов аспирантов, соискателей, студентов XII научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ Великий Новгород, 4-9 апреля 2005 г / отв ред В В Шадурский, НовГУ им Ярослава Мудрого – Великий Новгород, 2005 – 339 с – С 66-67 [0,1 п л]
- 4 Мифосимволическая активность политических элит как источник социокультурной модернизации // Бренное и вечное политические и социокультурные сценарии современного мифа Материалы Всерос науч конф 11-12 октября 2005 г, НовГУ им Ярослава Мудрого – Великий Новгород, 2005 – 262 с – С 52-56 [0,3 п л]
- 5 Моральные кодексы правящих элит как источник социокультурной динамики // Материалы I-ой научно-практической конференции молодых ученых-гуманитариев / под ред Е В Амосовой, М Н Щетинина – Великий Новгород НовГУ им Ярослава Мудрого, 2006 – 100 с – С 27-31 [0,3 п л]
- 6 Мифология социальных групп // Бренное и вечное символические парадигмы модернизации культурного пространства Материалы Всерос науч конф 10-11 октября 2006 г, НовГУ им Ярослава Мудрого – Великий Новгород, 2006 – 201 с – С 43-47 [0,3 п л]
- 7 Проблема аналогии между европейским рыцарством и японским самурайством // Тезисы докладов аспирантов, соискателей, студентов XIII научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ Великий Новгород, 3-8 апреля 2006 г / отв ред В В Шадурский, НовГУ им Ярослава Мудрого – Великий Новгород, 2006 – 296 с – С 22-24 [0,2 п л]

Изд. Лиц. ЛР № 020815 от 21.09.98
Подписано в печать 16.04.2007. Бумага офсетная. Формат 60×84 1/16
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная
Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ № 35

Издательско-полиграфический центр
Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого
173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41

Отпечатано в ИПЦ НовГУ им. Ярослава Мудрого
173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41